

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ
В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ*М. В. Желтов, А. С. Леонов*CONSTITUTIONAL REGULATION OF PROPERTY RIGHTS
IN THE COUNTRIES OF SOUTH AMERICA*M. V. Zheltov, A. S. Leonov*

В статье проведен анализ конституционного законодательства стран Южной Америки по вопросу закрепления и регулирования права собственности. Цель исследования заключается в анализе причин «конституционализации» экономики южноамериканского «кейса», что является актуальным для Российской Федерации, которая также радикально изменила свой подход к конституционному регулированию института собственности за последние десятилетия. В статье сделан вывод о том, что конституционное регулирование института собственности в странах Южной Америки на сегодняшний день развивается в двух противоположных направлениях.

The paper analyzes the constitutional laws of the countries of South America on the fixing and regulation of property rights. The purpose of the study is to analyze the causes of “constitutionalization” of the economy of the South American “case” which is relevant for the Russian Federation that has also radically changed its approach to the constitutional regulation of the institution of property over the past decade. The authors conclude that the constitutional regulation of the institution of property in South America today is developing in two opposite directions.

Ключевые слова: собственность, конституционное регулирование права собственности, страны Латинской Америки.

Keywords: property, constitutional regulation of property rights in Latin America.

Появление конституционно-правового регулирования отношений собственности стало одним из существенных результатов эволюции конституционного права в XX веке. Фактически до Первой мировой войны всё конституционное регулирование данного права состояло в формальном провозглашении права частной собственности. Однако позднее под влиянием двух мировых войн и глобальных мировых экономических кризисов существенно вырос уровень вмешательства государства в сферу экономики, в том числе и в отношения, связанные с правом собственности. Это повлекло появление намного более подробного регулирования данных отношений, в том числе и на конституционном уровне. В данном случае весьма характерен пример стран Южной Америки, которые во второй половине прошлого столетия стали весьма активно пытаться влиять на отношения собственности с помощью норм конституционного права. И это не случайно. Как справедливо отмечает известный исследователь данного региона Хорхе И. Домингес, определяющая роль государства в экономике – это «принципиальная черта, общая для всей Латинской Америки, начиная с тридцатых годов XX века» [1, с. 130]. Ещё одной причиной «конституционализации» экономики была радикальная социально-экономическая трансформация данной группы стран в этот период времени, сопровождавшаяся частой сменой режимов очень разной политической ориентации и совершенно противоположным отношением к институту собственности. В этом смысле рассмотрение южноамериканского «кейса» является весьма актуальным для России, также радикально изменившей свой подход к конституционному регулированию института собственности за последние десятилетия. Сразу отметим, что в данной работе мы не рассматриваем вопрос о частной собственности на землю, по-

скольку данная важная для Южной Америки тема должна стать предметом отдельного исследования.

Прежде всего, следует отметить, что для стран Южной Америки характерна очень большая «текучесть» конституционного процесса. Во многом это связано с большим количеством военных переворотов (в прошлом), приводившим к принятию новых конституций, частому изменению старых, а также с радикальным изменением политического климата в Южной Америке за последние пятнадцать лет. Одним из ярчайших проявлений этого изменения стал почти повсеместный рост популярности левых социалистических идей и резкое падение значимости традиционных концепций либеральной рыночной экономики. Этот процесс начался с прихода к власти в Венесуэле Уго Чавеса, и к началу текущего десятилетия он, кроме Венесуэлы, охватил Эквадор, Боливию, Уругвай, Аргентину, Бразилию и Перу (последние две страны, впрочем, с оговорками). Несколько в стороне от процесса остались лишь Колумбия и Чили. В данной статье мы рассмотрим как традиционное конституционное регулирование права собственности, так и те новации, которые появились в результате дуновения «левого ветра» над Южной Америкой, особенно проявившегося в Боливарианской Конституции Венесуэлы 1999 г. [2].

В качестве примера «классического» регулирования права собственности можно привести положения конституций Колумбии, Чили, Уругвая, Аргентины и Бразилии, для которых в основном характерен традиционный для второй половины XX века подход к отношениям собственности. В рамках данного подхода можно выделить несколько основных элементов.

Во-первых, все указанные конституции, безусловно, признают право собственности. Так, например, статья 30 Конституции Колумбии [3] гарантирует

право частной собственности «и другие права приобретённые на должном основании». При этом, впрочем, говорится о приоритете общественных и государственных интересов над частными, если есть наличие в конкретном случае государственной пользы. Подобные положения содержатся и в Конституции Чили, так, в пункте 23 статьи 19 содержится гарантия свободы владения любой собственностью, за исключением тех объектов, которые находятся в общем пользовании или могут принадлежать только Нации [4]. Подобные формулировки используются и в статье 32 Конституции Уругвая [5]. Наличие данных положений обусловлено тем, что невозможно себе представить полный отказ от права частной собственности на современном уровне развития общества. Следует также отметить, что в отличие от России, ни в одной из стран Южной Америки данное право не отменялось на протяжении всей их истории.

Во-вторых, практически все рассматриваемые конституции исходят из функционалистской концепции права собственности, впервые изложенной в своё время немецкими юристами. В конституциях подчеркивается социальный характер собственности. Очень показательным в этом смысле является положение статьи 30 Колумбийской конституции о том, что собственность «является социальной функцией и предполагает обязательства». Схожее регулирование содержится и в статье 58 Конституции Перу 1993 г., где говорится о том, что частная предпринимательская инициатива реализуется в рамках социальной рыночной экономики под контролем государства [6]. Социальный характер конституции также ярко выражен и в статье 32, где говорится о том, что государство «может в силу закона вмешиваться в развитие... частной промышленности и в деятельность... частных предприятий в целях рационализации производства, распределения и потребления ресурсов или для оказания трудящемуся справедливой защиты на которую он имеет право». Подобные положения содержатся в пункте 23 статьи 5 Конституции Бразилии 1988 г. [7]. Ещё более подробно данный вопрос освещен в Конституции Чили, где пункт 24 статьи 19 говорит о том, что собой представляет данная социальная функция. Осуществление данной функции включает учёт «интересов государства, его безопасности, публичных нужд, здоровья и интересов сохранения природного наследия». На сегодняшний день ни одна из южноамериканских стран не рассматривает право частной собственности как абсолютное неограниченное право, как это было принято в XIX веке.

В-третьих, признание права собственности социальным по своей природе означает возможность его ограничения. Именно поэтому конституции всех стран Южной Америки указывают на возможность и условия ограничения права собственности. При этом правовое регулирование данного вопроса в большинстве стран является примерно одинаковым. В частности, статья 30 Конституции Колумбии указывает на то, что собственность может подлежать изъятию, но только в интересах общества и с обязательным возмещением. Следует отметить, что во всех странах из этой группы возмещение всегда должно быть предварительным. Подобные положения содержатся и в ста-

тье 17 Конституции Аргентины [8], в пункте 24 статьи 5 Конституции Бразилии и в ст. 32 Конституции Уругвая. Единственным исключением является Конституция Колумбии, которая в определенных случаях допускает возможность изъятия собственности и без возмещения, но только по специальному разрешению парламента. Наиболее подробно данный вопрос рассмотрен в Конституции Чили. И это неудивительно. Конституция Чили писалась в годы правления А. Пиночета, для которого защита прав собственников была важнейшим приоритетом. Так, в Конституции Чили предусмотрено, что изъятие собственности вообще возможно только в исключительных случаях и на основании закона, принятого парламентом. Само изъятие возможно только в публичных интересах с обязательной предварительной компенсацией. При этом размер компенсации определяется соглашением сторон либо, если стороны не достигли соглашения, судом. Кроме того, Конституция говорит, что в случае судебного решения о компенсации она выплачивается суммой наличными (пункт 24 статьи 19). Столь подробное регулирование данного вопроса вызвано тем, что, как отмечают исследователи, «важнейший институциональный недостаток, характерный практически для всех латиноамериканских государств, – это пренебрежение принципом верховенства закона». Особенно это касалось имущественных прав. В блестящей работе Эрнандо де Сото «Гайна капитала: почему капитализм победил на Западе и больше нигде» приведена масса примеров того, как произвольные нарушения прав собственников препятствуют экономическому и политическому развитию стран Южной Америки [12, с. 131].

В-четвертых, проблема защиты имущественных прав вызвала появление во многих южноамериканских конституциях положений о запрете применения такой меры наказания, как конфискация имущества. Её запрет вынесен непосредственно на конституционный уровень. Проблема конфискации имущества по политическим или экономическим соображениям всегда была актуальна для Латинской Америки. В её истории было немало примеров подобных изъятий. Наиболее ярким, конечно, является практика изъятия властями собственности в Мексике в период так называемого «порфириато» (правление президента Порфирио Диаса в 1876 – 1911 гг.). На сегодняшний день запрет конфискации содержится в конституциях Эквадора (статья 322) [9], Чили (статья 19) и других стран.

В-пятых, очень характерным для многих южноамериканских конституций является наличие положений, направленных на недопущение монополизма в экономической деятельности. Данная проблема всегда остро стояла в Южной Америке, где со времен колониального правления существовала практика создания монополий в отдельных секторах экономики, которая была в значительной степени заимствована диктаторскими режимами на протяжении последних двух столетий. Именно в этом причина, почему законодатель стремится к борьбе с монополиями даже на конституционном уровне. Статья 31 Конституции Колумбии прямо говорит, что установление монополии на определенный вид экономической деятельности

возможно только в чрезвычайных случаях и на основании закона. В частности, оговорки касаются систем связи. О необходимости борьбы с монополизмом говорит и статья 42 Конституции Аргентины. В статье 61 Конституции Перу говорится о поддержке конкуренции и прямо указывается на запрет создания любых монополий.

В-шестых, особо хотелось бы отметить, что большинство современных конституций стран Южной Америки содержат положения о защите авторских прав. Данная тенденция вообще очень характерна для мирового конституционного развития конца прошлого столетия. В частности, статья 35 Конституции Колумбии, пункт 25 статьи 19 Конституции Чили, статья 17 Конституции Аргентины, пункт 8 статьи 2 Конституции Перу, пункт 27 статьи 5 Конституции Бразилии и статья 322 Конституции Эквадора прямо гарантируют защиту авторских прав. При этом в чилийской и бразильской конституциях специально говорится ещё и о гарантиях патентных прав.

В-седьмых, нельзя не сказать и о том, что некоторые конституции анализируемого региона устанавливают перечень объектов, изъятых из гражданского оборота. Прежде всего, речь идет о монополии государства в отношении полезных ископаемых, в частности нефти. Например, Конституция Венесуэлы провозглашает монополию государства в данной сфере (статья 12). В Боливии же все природные ресурсы являются исключительной собственностью государства (статья 309) [10].

Все то, что было сказано до этого, является характеристикой «классической» модели регулирования права собственности в конституционном законодательстве стран Южной Америки. Однако в последние 15 лет в связи с резким поворотом влево многих стран региона правовое регулирование прав собственности стало существенно пересматриваться в сторону левого радикализма. Начало этому процессу, безусловно, положила Боливарианская Конституция Венесуэлы У. Чавеса, принятая в 1999 г. Уже в ней были заложены элементы новой модели правового регулирования права собственности.

Прежде всего, при общем признании права собственности появились элементы, ранее не характерные для стран Южной Америки. Например, в статье 115 Конституции говорится о возмещении стоимости собственности собственнику в случае изъятия, но уже не в предварительном порядке, а «своевременно». Ещё более показательной является следующая статья 116, где говорится о невозможности конфискации собственности, «за исключением случаев конфискации собственности лиц, имущество которых было получено обманным путем без разрешения публичной власти или имущество, которых было приобретено в результате торговой, финансовой или любой другой деятельности связанной с вредоносным использованием психотропных или наркотических веществ». Если ещё учесть конституционную криминализацию «спекуляций» (статья 114), то отношение к правам собственности в Венесуэле станет весьма понятным. Показательным моментом чисто идеологического плана является содержащееся в конституции осуждение крупной земельной собственности (латифундиз-

ма). Кроме того, предусмотрено введение специального налога в отношении пустующих земель (ст. 307), и в ней же говорится о возможности их изъятия.

Радикальный разворот в сторону построения «боливарианского социализма», начатый У. Чавесом, был подхвачен его сторонниками. Вслед за Венесуэлой пошел Эквадор с Конституцией 2008 г., принятой по инициативе Президента Р. Корреа. Следует сказать, что эквадорская конституция даже текстуально похожа на венесуэльскую, причиной чего является общность идеологии. Однако эквадорская конституция в вопросе регулирования права собственности пошла дальше конституции северного соседа. В ней, конечно, закреплено право собственности, которое тоже носит социальный характер (пункт 26 статьи 66). В то же время в конституции четко выражен приоритет государственных интересов в вопросах собственности. В частности, резервируется исключительное право собственности государства в различных секторах экономики. Речь идет о нефтяной и газовой промышленности, энергетике, сфере радио и телекоммуникаций и всем, что связано с «невозобновляемыми» природными ресурсами (статья 313). Говорится в конституции и о возможности изъятия собственности (ст. 323), но основания такого изъятия носят крайне размытый характер. Оно возможно «в целях выполнения планов социального развития, устойчивого управления окружающей средой и обеспечения общественного благосостояния». Безусловно, подобные формулировки могут оправдать любой случай произвольного изъятия собственности. Что же касается компенсации собственникам, то конституция просто говорит о её существовании и что её порядок устанавливается специальным законом. Также по примеру Венесуэлы эквадорская конституция прямо говорит о контроле государства в сфере торговли и борьбе со «спекуляцией» (статья 335).

Наконец, последней в ряду подобных «боливарианских» конституций стала Конституция многонационального государства Боливии 2009 г., принятие которой было инициировано Президентом Э. Моралесом. Данная конституция пошла значительно дальше своих предшественников и вообще мало похожа на традиционные конституции, поскольку в большей степени является политико-идеологическим манифестом, нежели правовым актом. Она могла бы стать предметом отдельного анализа, но в нашей работе мы затронем лишь те аспекты, которые связаны с вопросами собственности.

Безусловно, конституция провозглашает право частной собственности (ст. 56), но в весьма специфической форме. Кроме того, что подчеркивается социальный характер собственности, говорится и том, что её использование не должно противоречить «коллективным интересам». В конституции провозглашается монополия государства на все природные ресурсы (статья 309). Конституция запрещает создание монополий, но только частного характера, допуская их создание государством (статья 314). По примеру Венесуэлы конституция осуждает «латифундизм» и прямо говорит о необходимости безвозмездного изъятия излишков земли (ст. 398, 399). Более того, конституция прямо установила максимальный предел зе-

мельного участка – 5000 гектар. Кроме того, прямо провозглашается право государства вмешиваться в хозяйственную деятельность всех предприятий. По сути, идеология конституции не в очень большой степени совместима с институтом частной собственности.

В итоге можно сказать, что отношение к институту частной собственности в указанных странах даже на конституционном уровне изменилось не в лучшую сторону. Результаты не заставили себя ждать. Достаточно посмотреть на ту экономическую катастрофу, которую сейчас переживает Венесуэла. Как справедливо отмечает Ф. Фукуяма, в этих странах «политики популистского толка заняты тем, что консолидируют исполнительную власть, разрушают демократические институты, поворачивают вспять либерализацию в

экономике и проводят социальную политику, которая пользуется широкой поддержкой беднейших слоев населения, но которая этого не заслуживает с точки зрения последствий в отдаленной перспективе» [11, с. 448 – 449].

Подводя итог, следует отметить, что конституционное регулирование института собственности в Южной Америке на сегодняшний день развивается в двух противоположных направлениях. Одна группа стран исходит из необходимости твердой защиты прав собственников и самого института собственности. Другая группа стран, находясь в фарватере идей социализма, стремится к ограничению права частной собственности и к резкому усилению вмешательства государства в экономику. Будущее покажет, какая из этих тенденций станет преобладающей на континенте.

Литература

1. Домингес Хорхе И. Причины замедленного развития Латинской Америки во второй половине XX века: стратегии роста, неравенство и экономические кризисы // Фукуяма Ф. Отставание. М., 2012. 480 с.
2. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла. Принята 30 декабря 1999 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/venesuela/gosud>
3. Конституция Республики Колумбии от 4 июля 1991 года. Режим доступа: www.constitution.ru/p=900
4. Конституция Республики Чили. Принята 11 сентября 1980 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/chili/gosud>
5. Конституция Восточной Республики Уругвай. Утверждена 26 октября 1951 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/urugvaii/gosud>
6. Конституция Республики Перу. Принята 31 октября 1993 г. Режим доступа: www.worldconstitutions.ru/p=534
7. Конституция Федеративной Республики Бразилия. Принята на общенациональном референдуме 18 сентября 2011 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/braziliya/gosud>
8. Конституция Аргентинской Республики. Принята Генеральным Конституционным Конгрессом 1 мая 1853 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/argentina/gosud> http://www.sitiosargentina.com.ar/2/CONSTITUCION_NACIONAL_ARGENTINA.htm
9. Конституция Многонационального Государства Боливия. Промульгирована 17 ноября 1947 г. Режим доступа: <http://www.mir-geo.ru/boliviya/gosud>
10. Конституция Республики Эквадор. Принята на референдуме 28 сентября 2008 г. Режим доступа: www.pdba.georgetown.edu
11. Фукуяма Ф. Отставание. М., 2012. 480 с.
12. Hernando de Soto. The mystery of capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere. London, 2000. 288 с.

Информация об авторах:

Желтов Максим Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ, giupare@mail.ru.

Maxim V. Zheltov – Doctor of Sociology, Professor at the Department of Public and Administrative Law, Kemerovo State University.

Леонов Александр Сергеевич – старший преподаватель кафедры гражданского права КемГУ, 6158160@gmail.com.

Alexander S. Leonov – Senior Lecturer at the Department of Civil Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 26.03.2015 г.